
СООТНОШЕНИЕ ЛОГОСА И МИФА В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДОИСЛАМСКИХ ТЮРКОВ

А.Т. Омар

Попытка структурного подхода к мифу объясняется стремлением выделить базовые элементы текста с целью понять принцип работы древнетюркского мифа как высказывания. Конечно, изучение структуры мифа подразумевает его разоблачение, обнажение его ценностного ядра, а потому несет риск потери целостности мифа. Однако правомерность подобного исследования обосновывается структуралистским определением мифа как слова, высказывания. Определение это жидется на разделении понятия языка в мифе на язык-объект и метаязык [1]. В этом случае метаязык, как часть языка мифа, вступает как результат и принадлежность нуминозного опыта.

Необходимость герменевтического подхода к пониманию мифа объясняется тем, что миф существует и является материалом для анализа лишь в виде текста. Для анализа метаязыка как результата нуминозного опыта необходимо проанализировать характерные черты мифа как текста.

В отличие от когнитивных процессов, которые пытаются сформировать идеальные понятия путем обобщения эмпирических данных, миф есть **символический способ** интеллектуальной деятельности. Мифологические символы — это первые попытки интеллекта систематизировать мир, продукты первичной деятельности сознания. Абстрактные понятия, формируемые рациональным человеческим сознанием, представляют собой уже вторичную «редукцию имманентного символического смысла» [2].

Чтобы миф мог быть рассказан (спет) впервые, индивид должен был найти уникальные слова для отражения истории. Даже в самом начале, когда язык только рождался из первобытных звуков, когда все существование человека было подчинено единственной задаче постоянного, ежедневного выживания, *язык рождался как слово о Боге, поскольку нес в себе идею спасения*. Язык должен был найти уникальное слово, чтобы назвать то, что разворачивается в бытии. И если бытие говорит через язык, то, следовательно, мы можем использовать язык и текст как его фиксацию для выяснения понятий о бытии в мифологическом сознании.

Монологическая речь как способ трансляции мифа при его вербализации стала единственным способом до-письменной эпохи. Монолог, с точки зрения современной структурной лингвистики, — это взятый в скобки способ эмпирического существования в мире. Слушание собственной речи может обходиться без нашего пространства, в котором разворачивается бытие, это — чистое самоотношение (редукция пространства), происходящее в близости-к-себе, и потому голос есть сознание [4].

Если мифическая речь — это прежде всего голос, то она неотделима от ритма. *Ритмизированная речь и музыкальный ритм* — атрибуты нуминозного состояния, именно они выступают носителями и выразителями сакрального содержания

мифа, переносимыми индивида в область трансцендентного. Часто в текстах можно встретить выражение, что миф не рассказывают, а поют: не «сказал дед Коркут», а «спел» в значении «рассказал» [3]. Пение мифа, музыкально-стихотворное воспроизведение, как проявление синкретизма мифологического сознания, было бы похоже на театр, если бы не религиозный характер мифического действия. Здесь, в присутствии, индивид не только получает информацию для работы интеллекта и воображения, но и имеет все условия для проявления нуминозного опыта.

Мифологическая метафора всегда хранит в себе священное. Эпитеты и сравнения, характеризующие мифологического героя, отсылают к его происхождению, эпитеты сверхъестественных существ — к загадке их происхождения и их природы. Один из героев «Манаса», Алмамбет, обращаясь к своему соратнику, называет его «мой леопард», «лев», сказителя называет «сильноголосым»; герой собирает народ из разрозненных племен в единую силу, как камень создается из песчинок [5]. Один из персонажей эпоса «Деде Коркут» Казанбек так описывает себя: «От детеныша-самца волка с грубым волосом происходит один мой корень... от белого кречета-самца один мой корень» [5]. Мифологическая метафора, таким образом, является концептуальной формой, связанной со сферой бессознательного, как и поэтический язык вообще. Метафора выступает в мифе как этизация нуминозного, благодаря метафоре вещи оказываются священными.

Письменность в мифе вызывает священный трепет перед *знаком*. Сакральность знака предопределяет владение знаками как сакральный статус самого индивида: обладающий знанием знаков обладает высшей истиной, тайной, предвидением. Учитель, обучающий письменности, является в эпосе «Манас» сверхъестественным существом, Хозяином Знаков, «вещие слова звонко падают с его губ» [5]. Знак священен потому, что рождает мысли о божественном, а само чтение предстает как нуминозный опыт. Знак говорит о невидимом, о метафизическом. Орнамент и рисунок являются обоснованными знаками, в отличие от акустического знака или *звука*, который является произвольным. Отношение к слову в мифологическом сознании приравнено к отношению к бытию, к самой жизни. Истинность утверждения доказывается тем, что «так сказано». Метафоры, описывающие язык, речь, процесс говорения, раскрывают отношение к этим понятиям как к живому: «...сильнее языка в гортани был язык его задыхающегося от счастья сердца», «он убил свои слова» (в смысле промолчал) [5]. Слово помогает понять смысл сущего. «Знающий знаки» означает «обладающий предельным смыслом».

Миф как слово, миф-логос сам генерирует смысл. Если Бог создал мир и человека, то человек создал знаки, слова же в их лингвистическом, а феноменологическом понятии, не создал никто, и они живые (их можно «убить»). Но их нельзя убить навсегда и повсюду, а только как речь индивида, что означает молчание (смерть слов), ведь выражение «убил свои слова» — метафора. Язык мифа отражает то, что выразимо и невыразимо. «Язык гортани», язык повседневности, профанный язык существует для выразимого. «Язык сердца», сущность, несущая в себе сакральное, описывает невыразимое. Метаязык, то, что «за языком», и есть

невыразимое, то, о чем нельзя сказать или помыслить с помощью слов, это можно только почувствовать, «убив» в себе слова. Это сродни поэтическому вдохновению и религиозному откровению. В мифе же это — невыразимое.

Если через всякий язык всегда говорит бытие, то через метаязык говорит *метабытие*, или *бытие под пристальным взглядом Бога*. Индивид, транслирующий миф для реципиентов, одновременно передает известную историю, привносит личное, дает оценку с точки зрения Бога и его законов. Миф противостоит в этом рациональному объективирующему разуму, пока не может подняться до понятий всеобщности, но находится — благодаря этому невыразимому — на высотах трансцендентного разума.

Неразделенность субъекта и объекта в мифе делает его похожим на зеркало, с которым индивид словно бы не расстается в мифотворчестве: он всегда видит и себя самого, и свое отражение, и окружающий мир, и его отражение. Каждый раз во время чтения (пения) индивид актуализирует миф для оптимального восприятия реципиентами, и каждый раз его сознание исходит от сферы трансцендентного. Вслед за ним такой же путь могут проделать и слушатели. В мифотворчестве этот нуминозный опыт каждый раз повторяется посредством языка мифа. Тем более что, как сообщает миф, «вместе с живыми слушают [павшие богатыри] вещее песнопение» [5]. Бард всегда находится в окружении сверхъестественных сил из потустороннего мира, а не только в реальном мире, и за каждое произнесенное слово он отвечает перед духами предков.

Возвращаясь к характеристике языка мифа, подведем итог. Язык мифа синкретичен, это одновременно и история, и первобытное искусство, и молитва, и знание. Связь между словом и звуком, обнаруживающаяся в мифологическом сознании, в современном сознании конституируется как пред-выразительный слой опыта. Безусловно, голос существует как язык слов, и потому «слушать себя» означает «слушать себя в отсутствии мира», в идеальном представлении, в которое можно верить [4].

Применяя теорию Деррида к мифу, можно попытаться реконструировать мифологическое сознание по тем следам, какие оно оставило. «Ирчи пел, а его звонкое слово сотворило жизнь...», — сообщает миф о возможностях слова в устах эпического певца [5]. Логос мифа относится к невидимому миру, к сфере невыразимого. Эта бестелесная субстанция, не выделяемая мифическим сознанием как лингвистическое или философское понятие, относится к сфере трансцендентального опыта. Логос мифа в своем бессмертии означает бесконечность бытия; сверхъестественная природа *слова* не божественна по происхождению. По существу, слово — единственное, что в мире не божественно по происхождению, но дано человеку в управление и пользование. В магических ритуалах оно может действовать на человека и явления природы, т.е. обладать магической силой. В слове происходит имманентная встреча индивида с Богом, с невыразимым, и, в конечном счете, с нуминозным.

Развитие мифа и языка подготовило почву для развития дальнейших мыслительных процессов, когда стала складываться общая картина мироздания, кар-

тина космоса, то есть упорядоченного мира. Таким образом, язык мифа — носитель и транслятор божественного опыта, и все его составляющие — метафора, символ, слово, звук, голос — в их феноменологическом понимании суть сферы реализации нуминозного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989.
- [2] *Вюнанбурже Ж-Ж.* Принципы мифопоэтического воображения. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=884&binn_rubrik_pl_articles=121
- [3] «Деде Коркут» / Пер. акад. В.В. Бартольда. — Баку, 1950.
- [4] *Деррида Ж.* Голос и феномен. Различение. — СПб.: Алетейя, 1999.
- [5] «Манас великодушный» / Пер. С.И. Липкина. — Рига: Полярис, 1995.

MYTHOS VERSUS LOGOS IN THE WORLDVIEW OF THE TURKIC PEOPLES IN THE PRE-ISLAMIC PERIOD

A.T. Omar